

УДК 32.001
ББК 66
К 126

К 126 Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 228 с.

Издание представляет собой первый, пилотный выпуск Ежегодника Кавказского института СМИ, задуманного как справочно-информационное издание о наиболее важных событиях и тенденциях истекшего года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной. Кроме того, в издание вошли справочные материалы, в том числе хронология 2003 г. и географические карты Кавказа и региона.

Редактор А. Искандарян

Редколлегия: Р. Амирагян, Г. Демоян, Н. Искандарян,
А. Карагулян, В. Четерян

Дизайн обложки, макет и географические карты: студия «Коллаж».

Фотографии предоставлены студией «Patker» и Айком Бианджаном

Caucasus Yearbook 2003. Election Year. – Yerevan, CMI, 2005. – 228 p.

Editor A Iskandaryan

Editorial team R Amiraghyan, V Cheterian, N Demoyan,
N Iskandaryan, A Karagulyan

Cover design, layout and maps by Collage Ltd.

Photos courtesy of Patker and Hayk Bianjan

ББК 66

ISBN 99930-78-73-5

© КИСМИ, 2005

© 2005 by Caucasus Media Institute

С. Арутюнов

Страны Южного Кавказа вчера и сегодня

Почти что вплоть до самого распада СССР партийные пропагандисты любили изображать его в виде дружной семьи братских республик, где России отводилась роль старшего брата. Этнографии известны примеры больших братских семей, где старший брат более или менее командует младшими. Особенно характерны такие семьи для регионов, славящихся полиандрическими браками (Тибет, Непал), когда несколько братьев сообща женаты на одной женщине; собственно говоря, в этих случаях именно она-то реально и командует в семье. По этой аналогии, все братские республики были полиандрически женаты на одной властной даме, КПСС, и когда она приказала долго жить, семья естественным образом распалась.

Но, пожалуй, точнее было бы сравнить и Российскую империю, и СССР, в своей сталинской (постленинской) форме вполне восстановивший имперские традиции, с иной семьей, где властвует довольно самодурный матриарх — Россия; она мать, мачеха, распорядительница, хозяйка дома, а в доме под ее началом живут ее родные (как послушные, так и довольно своенравные) дети, а также пасынки или приемные дети, а еще крепостная челядь, домашние рабы и всевозможные вольные или невольные приживалки, отчасти боящиеся хозяйки, отчасти ненавидящие ее, отчасти к ней довольно глубоко привязанные. Впрочем, апартеидное самодурство, низводящее «лиц неславянской национальности» на уровень граждан второго сорта, может оттолкнуть даже самых привязанных.

Родных детей, собственно говоря, только двое — Белоруссия и Украина: соответственно послушная, смиренная дочь и непослушная, своенравная дочь. Смирная дочь, несмотря на непредсказуемые фортели товарища Лукашенко, в обозримом будущем, видимо, так и останется под покровительственным крылышком у мамочки. Непослушная дочь мечтает выйти замуж за кого угодно, лишь бы уйти от мамочки подальше, но только женихов по-

ка не видно. Имеющиеся кавалеры не идут дальше весьма поверхностного, малоперспективного и малоприбыльного флирта.

Ну да Бог с ними, с дочками, а также со всеми племянницами и приживалками. Прямого отношения к судьбам интересующего нас кавказского региона они все же не имеют. Единственно, о ком еще нужно сказать хоть несколько слов, это федеральные субъекты — республики Северного Кавказа. Очень бедные, по крайней мере, согласно официальной статистике, сильно зависящие от бюджетных дотаций, все они так или иначе смахивают на приживалок, причем за исключением мятежной Чечни (и то отнюдь не всего народа, а лишь определенной его части) и ее «сиамского близнеца», Ингушетии, не помышляют об уходе из хозяйкиного дома. Опять-таки, естественно, речь идет о большинстве народа, а не о малочисленных, безответственных и гораздо менее, чем лет десять тому назад, влиятельных политиках. Однако место этих политиканов, эксплуатировавших в основном секулярные, либерально-радикальные ценности, и сегодня выглядящих в основном достаточно комично, все более занимают актеры совсем иного, и вовсе не комического, жанра.

Это исламские клерикалы и их мирские подголоски, в основном из числа мелкой и не состоявшейся «творческой» интеллигенции. Часть из них, «ваххабитско-салафитского» толка, действует полунелегально, но тем не менее расширяет свое влияние, однако следует иметь в виду, что и многие внешне лояльные к федеральному государству традиционные, тарикатистские духовные лица и шейхи не очень-то и скрывают своей стратегической нацеленности на шариат и даже на халифат, и их влияние огромно. Все это касается в основном Дагестана, но постепенно все более ощущается и на Северо-Западном Кавказе.

Что же касается государств Южного Кавказа, т.е. Азербайджана, Армении и Грузии, то продолжая наши большесемейные аналогии, конечно, это пасынки у мачехи России, но пасынки очень разные, и отношения у них с Россией очень разные.

Братья они или не братья? Если рассуждать расогенетически или этногенетически, то ближе братьев не бывает. Это все люди одного (кавказского) варианта переднеазиатской расы, лишь с небольшим сдвигом в сторону понтийского типа у самых западных грузин, и в сторону индо-памирского типа у самых восточных азербайджанцев. Кто бы что ни говорил, внешне они нераз-

личимы. И этногенетически эти народы в их современном состоянии сложились в результате где давней, а где и недавней языковой картвелизации, арменизации или тюркизации более или менее одних и тех же исконных северокавказских (или просто кавказских) племен в их абхазо-адыгском (с чем сближаются хатты) или нахско-дагестанском (с чем сближаются урартохурриты) варианте, причем истоки сил этой диссимилиятивно-ассимилятивной этноалиенации находились первоначально в территориально ограниченных и расположенных вне пределов собственно Кавказа очагах. Таким образом, у всех трех народов имеется общий древний субстрат, а также в разных пропорциях и вариантах общий более поздний адстрат индоиранского происхождения (скифо-сармато-аланский, западно-иранский и даже цыганский). Последние акты этой долгой, многотысячелетней драмы происходят на наших глазах — завершается ассимиляция нахоязычных бацбийцев в Грузии, цыган в Армении и курдов, татов, цахуров, крызов, хиналугцев — в Азербайджане.

Армяне, грузины, азербайджанцы — это три ломтя из одного каравая, испеченного пусть из смешанной, но довольно однородно смешанной муки, однако эти ломти смазаны разным маслом. И видится, воспринимается именно это масло, а не хлеб, лежащий под ним.

Армянин, грузин, азербайджанец внешне неразличимы. Более того, не различается сегодня и не различалась в XVIII-XIX веках их одежда (мужская, а у женщин не сильно, но все же различалась). Более или менее то же самое относится и к их кухне, и к поселениям, и к типам жилища, обстановки, утвари, к занятиям, сельхозкультурам, составу стада, к ремеслам. Сходны многие обычаи, ценности, реликты домонотеистических религий, и многое, многое другое. Но языки трех народов совершенно различны (хотя содержат множество общей лексики в основном тюрко-иранско-арабского происхождения), и принадлежат к трем разным языковым семьям — картвельской (грузинский), индоевропейской (армянский) и тюркской (азербайджанский). Ничего общего не имеет между собой и графика этих языков. Утверждение, что грузинский алфавит был создан Месропом Маштоцем вслед за армянским — скорее всего, поздняя интерполяция. Различны и религии — Грузинская Православная Церковь занимает особое положение в созвездии православных

Церквей мира, Армянская Апостольская Церковь столь же обособлена в созвездии дохалкедонских Церквей, азербайджанцы — в основном мусульмане-шииты. Католические, иудейские, сектантские, суннитские меньшинства имеются во всех трех странах, но очень невелики и продолжают уменьшаться.

Подчеркивать братство было очень модно в советские времена. Э. Шеварднадзе даже сказал когда-то, что грузины и армяне не просто братья, а братья-близнецы, и в принципе был совершенно прав. Но даже в те времена научно-художественная интеллигенция предпочитала говорить не о единстве, а о различиях, и склока на тему, чьим культурным достоянием являются храмы VI–VII веков, принадлежавшие в сущности единой и не знавшей этничности общекавказской культуре, имеет столетнюю давность (вспомним «Вопиющие камни» Чавчавадзе и его спор с Вермишевым). Через полвека после этого азербайджанские ученые пытались объявить хачкары Джульфы «хачдашами», не армянским, а албанским наследием; впрочем, еще менее чем через полвека в один особо прекрасный день 2002 года решили, от греха подальше, их просто уничтожить.

Объективный научный подход повсеместно выявляет перемешанность, взаимопереплетенность, родственность, историческую взаимозависимость всех кавказских культур, племен, народов, языков. Присутствие абхазо-адыгских племен в Юго-Западной Грузии отражено в гидронимах типа Супса (адыгский корень -пс- вода), присутствие картвельских племен в Абхазии отражено в этнонимах (мисимиан из мушван — самоназвание сванов), армянские топонимы этимологизируются из нахских языков, и таких примеров сотни. Тем не менее, в большой науке сегодня в моде утверждения об исконности, автохтонности, уникальности «своего» этноса на «своей» территории, а уж в «паранауке», типа творчества С. Айвазяна, этническое самовозвеличение в самых гротескных и фантастических формах не знает никакого удержу.

Я помню, как в тревожном 1990 году наши английские друзья и коллеги, Тамара Драгадзе, Мари Беннигсен-Броксап и другие, предприняли попытку посадить видных грузинских, армянских, азербайджанских ученых, историков, социологов, политологов за круглый стол непредвзятой дискуссии. «Делегации» прибывали поздно вечером и ночью и разместились в небольшой

Рубен Мангасарян/Райкер

Вид на озеро Севан, полуостров Артаниш (Армения).

Рубен Мангасарян/ Райкер

Ветеринары, прошедшие обучение в рамках проекта Министерства сельского хозяйства США (USDA), лечат козу.

гостинице в залах Британского музея, не столкнувшись друг с другом. Утром, выглянув из окна моей комнаты в зеленый внутренний дворик, я увидел жуткую картину: в одном углу дворика стоял лоток, торговавший пивом, мороженым, лимонадом и прочими аналогичными продуктами, в остальных трех углах имелись круглые столики под круглыми же зонтиками. Под каждым зонтиком, тесно сомкнув плечи и головы, расположившись так, чтобы по возможности не видеть друг друга, сидели три «делегации». Только их спины и то, что ниже спины, виднелись из-под низко опущенных зонтиков. Я спустился, подошел сначала к азербайджанцам, поболтал с ними (все «делегаты» были мои давние знакомые), потом подошел к армянам и грузинам. Те смотрели на меня так, будто я вышел к ним из клетки голодного тигра. На заседаниях все спорили до хрипоты, но к вечеру уже более или менее неформально общались друг с другом.

Мне кажется, что такая же ситуация имеет место и сегодня на межгосударственном уровне. Государства Южного Кавказа повернуты друг к другу спинами. Наименьшая отчужденность имеется между Грузией и Азербайджаном, в силу общих нефтепроводных интересов и определенной антисепаратистской солидарности. К тому же азербайджанцы Юго-Восточной Грузии ведут себя довольно тихо. Наибольшая враждебность, ясно, между Арменией и Азербайджаном, а между Арменией и Грузией отчужденность средней степени, она подогревается общим просепаратистским менталитетом армян, неуместной активностью армян Джавахетии и общей прорусской ориентацией Армении при явно антирусской ориентации Грузии. Однако прочное сближение Грузии и Азербайджана вряд ли возможно в силу больших культурных и религиозных различий и многовековой привычки практически всех христиан мира относиться к мусульманам с недоверием и пренебрежением.

Ситуацию в государствах Южного Кавказа можно в основном считать стабильной, а там, где имеет место нестабильность, это опять-таки стабильная нестабильность, освященная давней традицией. Политические страсти, вскипающие порой на площадях, перед зданиями правительств и посольств — это не более чем поверхностная пена, шлак на поверхности вязкой магмы, имя которой — национальный характер.

Конечно, национальный характер тоже есть категория исто-

рическая, и у сегодняшних грузин он иной, нежели был в начале XIX века, но все же у всех трех народов он сформирован взаимодействием собственного исторического наследия и экономического состояния, с одной стороны, а с другой — пребывания в течение двух столетий, в разных статусах, в составе Российской царской и советской империи.

Пытаться дать объективное научное описание национального характера — дело трудное и неблагодарное. Он познается скорее интуитивно и эмоционально, нежели рационально. Здесь больше подходят художественно-литературные примеры и аналогии, нежели описания. Так, хотя рассказ О. Туманяна «Ахмед» больше акцентирует возможность братских армяно-азербайджанских отношений, все же характер Ахмеда встает со страниц рассказа и соответствует месту Азербайджана в российской семье народов: доброжелательный, нетребовательный, без претензий, простоватый, приспособляемый, он даже не пасынок, а просто батрак, наемный работник, готовый, чтобы выжить и подзаработать, добросовестно ишачить на хозяйку, не обижаясь на судьбу, но и не привязываясь, оставаясь внешне своим, а по сути чужим, и в любой момент готовым собрать свою котомку и без особых церемоний перейти в другое место.

Таким батраком был нефтяной Азербайджан в царской России и сталинском Союзе, таковы сейчас азербайджанские гас-тарбайтеры в нефтяной Западной Сибири и на овощных рынках Москвы и Петербурга. Я много встречал таких азербайджанцев в моих путешествиях по Западной Сибири, от мастеров-буровиков и торговцев до милиционеров и врачей, и неизменно бывал принят радушно и доброжелательно.

Сложнее найти в художественной литературе некарикатурный либо неприукрашенный образ армянина. На самом деле в общем это гончаровский Шульц — неромантический, суховатый, деловой, добросовестный, ориентированный на преуспевание, безусловно положительный, но довольно скучный. В домохозяйстве мачехи-России это был обычный пасынок — средний, не очень близко, но заметно сроднившийся, не избалованный, но все же более или менее привязавшийся к мачехе, невзирая на ее эпизодическую дурь и несправедливость, понимающий, что лучше быть пусть и в проблемной, но в семье, чем одиноким в мире отчужденных, а то и прямо враждебных соседей.

Огромные трудности встают, если попытаться найти аналогии грузинскому национальному характеру. Если армянин — это Шульц, то грузин — это не Обломов, вернее, Обломов тоже (вспомним «Человек ли он» И. Чавчавадзе), но далеко не только он. Задача усложняется тем, что Азербайджан и Армения — страны, социально довольно однородные, в Армении 99% аристократии исчезло давным-давно, а в Азербайджане она была стерта, даже не успев толком сложиться, так что это всецело крестьянские страны, и любой представитель элиты — это вчерашний или позавчерашний крестьянин. И грузинский крестьянин к ним достаточно близок психологически, это тот слой, который в бутерброде относится к нижнему, базисному хлебу, а не к верхнему маслу. Однако грузинская элита всегда была составлена из дворянства в большей степени, чем из крестьянства, и ее психология определяет и по сей день политическую и общественную жизнь. Ее репрезентативный типаж с беспощадной жестокостью высветил Михаил Джавахишвили в своем романе «Рабы Джако» (иначе «Хизаны Джако») в образе Теймураза Хевистави. Беспомощный в трудностях, но одержимый идеалом своего благородства, тонкий, интеллектуальный, легкоранимый и способный опуститься до полного ничтожества, это уже не Обломов, а нечто гораздо большее во всех отношениях. За это М. Джавахишвили (кстати сказать, происходивший хоть из зажиточных, но все-таки крестьян) был многожды корим глубоко уязвленной грузинской интеллигенцией, а это значит, что она себя узнала. Но в образе Теймураза почти отсутствует важная черта, столь свойственная грузинской интеллигенции — высочайшая эстетическая художественность, способность к яркому перформансу, позволившая ей неизменно занимать высшие места на экранах и подмостках России и мира. Но эта же страсть и способность к перформансу содействует постоянной подмене реальной политики фразой, тостом, фрондой, буффонадой. Это в огромной мере было присуще Звиаду Гамсахурдия, несколько меньше, но присуще Шеварднадзе, и вновь характерно для Саакашвили.

Хотя Россия-мачеха нередко и больно била своего талантливового пасынка за своеволие и непослушание, но она же его и любила, и гордилась им, и приближала к себе более других, и без малого два века, XIX и XX, кормила и поила, баловала, умывала и подмывала. Добавим в скобках, что в XX веке балованный

пасынок, не довольствуясь полным пансионом, еще и беззащитно обворовывал хозяйку-матушку, в чем, впрочем, преуспевала и почти вся остальная челядь, но ему это прощалось скорее других. Конечно, стратегическое положение тоже играло свою роль.

Когда же вдруг самодурственная мачеха вдруг обанкротилась и пришла в упадок, когда челядь разбежалась кто куда, когда грузинский баловень вдруг остался беспризорным, он опустил куда ниже Теймураза Хевистави, до полной неспособности самому позаботиться о себе. Сейчас забрезжила надежда, что его усыновит американский дядюшка, накормит, умоет, подмоет и вернет в благодатную жизнь. Но к дядюшке со всего мира тянется уж слишком много подобных беспризорников, да и российская «широта души» ему не свойственна.

* * *

Симпозиум, посвященный итогам 2003 года для государств Южного Кавказа, прошел в Ереване в апреле 2004 года, т.е. от конца 2003 года его отделяли всего три месяца. Но и тогда нельзя было говорить о событиях 2003 года, игнорируя развитие ситуации за эти три месяца. Сейчас, когда пишутся эти строки, на дворе сентябрь 2004 года, и повторять то, что было сказано почти полугодом раньше, не имело бы смысла.

Равным образом невозможно рассматривать ситуацию в странах Южного Кавказа, не обращаясь к рассмотрению ее на Северном Кавказе, и шире, в России вообще.

Хотя формально Россия продолжает оставаться демократической страной, и президент Путин, особенно на зарубежную аудиторию, постоянно подчеркивает свою приверженность принципам демократии, реально демократическая эпоха в России закончилась. Употребляя отдаленные исторические аналогии, можно сказать (и эти фразы уже промелькнули в прессе), что на выборах в Думу в конце 2003 г. закончилась 15-летняя «веймарская» эпоха в истории России, наступившая после ее разгрома в «холодной войне». Аналогии по части национального унижения и выкачки ценностей явные. Но началась ли эпоха «третьего рейха»? Выражение это было бы уместно, считая романовский рейх за первый, а сталинский за второй. Аналогий много, но от-

сутствует главная: нет фюрера. Путин, безусловно, не фюрер и не дуче, и даже не каудильо. Однако обстоятельства и окружение вполне могут подтолкнуть его на роль Гинденбурга, скажем, в 2008 году. Все к этому идет.

Что же касается правящей партии (Ед Ра), то это, конечно же, не НСДАП, но с франкистской фалангой известные аналогии вызывает. А «Идущие вместе» напрашиваются уже всерьез на некоторые сравнения с гитлерюгендом. Но настоящий национал-социализм (опять-таки, разумеется, окрашенный в более яркие, нежели коричневый, тона) демонстрируют многие представители партии нашей квази-оппозиции, «Родины» и ЛДПР.

«Позвоночные» прокуроры, «басманные» суды, дело ЮКОСа, систематическое удушение неконтролируемых властью СМИ (сначала ТВ-каналов, а затем и отдельных программ – Парфенова, Шустера), и наконец два взаимосвязанных чудовищных приговора – осуждение на 15 лет тюрьмы (!) бесспорно невиновного ученого Игоря Сутягина и оправдание совершивших зверское убийство капитана Э. Ульмана и его содельников завершают картину процесса становления суперавторитарного государства. Оба приговора вынесены судом присяжных. Это означает, что по целому ряду шовинистических, реакционных, антидемократических явлений и тенденций происходит смычка власти и «народа» на базе ксенофобии и черносотенной, воистину охотнорядской ненависти к «либеральному демократизму» и «дерьмократам». Фашиствующие элементы все более наглеют (ср. убийство ведущего антифашиста Н.М. Гиренко), а демократию и свободу слова как причину всех бед не поносит разве что самый ленивый. Стремительный выход РПЦ на позиции государственной религии идет в этом же русле.

Таков общий фон, на котором следует рассматривать события 2003–2004 года в южнокавказских государствах. И все же отметим различия между ними в исторической ретроспективе. Уровень демократизма и свободомыслия, духовной и политической культуры, и ранее в Азербайджане низкий, а ныне вообще близкий к нулю, в Армении выше, в Грузии еще выше. В этом плане Армения примерно наравне с Россией, Азербайджан неизмеримо ниже, а Грузия гораздо выше. Так было и в советские времена, и даже при режиме Гамсахурдия. Благодаря традициям жесткой, деспотической власти период общего постсоветского хаоса

са и аномии в Азербайджане был очень краток и мало выражен, в Армении был довольно быстро преодолен, а в Грузии во многом продолжается и по сей день. Этническая чистка, выжимание и подавление нацменьшинств, гомогенизация национального состава в Азербайджане приняли крайние формы и зашли очень далеко (талыши, лезгины, курды так зажаты, что в счет не идут). В Армении они тоже были интенсивны, но не в отношении немусульманского населения, в Грузии имели место, но процент меньшинств снизился не столь разительно и остался очень высоким. Соответственно и эмиграция титульного населения наиболее высока в Азербайджане, чуть менее высока, но очень значительна в Армении, и наименее заметна в Грузии, хотя и там она имеет место. При этом из Азербайджана эмигрируют в основном малокультурные слои, из Армении средние, а из Грузии — культурно элитарные и близкие к ним.

Антидемократические, реакционные тенденции в России, характерные как для власти, так и для «плебса», неизменно в той или иной мере окрашены шовинизмом и ксенофобией, за исключением, пожалуй, наивысших эшелонов власти, где стремление к «завинчиванию гаек» определенно существует, но ксенофобных обертонов почти не содержит. О государствах Южного Кавказа тоже нельзя сказать, чтобы их властные структуры были реально привержены демократическим принципам, хотя всячески такую приверженность декларируют. В Азербайджане о реальной демократии вообще говорить не приходится, в Армении существует в основном только внешняя видимость демократии, а реально и занятие постов, формально выборных, и функционирование властных структур регулируется совсем иными механизмами, и, наконец, в Грузии новая власть в лице президента Саакашвили и его сторонников в борьбе со своими противниками также использует процедуры, мало подходящие под определение демократических, но здесь это менее заметно, так как она, по крайней мере на сегодня, пользуется поддержкой, видимо, значительного большинства населения страны. Но даже попытки сломить сепаратизм Южной Осетии и Абхазии не сопровождаются, в отличие от эпохи Гамсахурдия, шовинистической и ксенофобной демагогией. Нет ее и в Азербайджане и в Армении, просто потому, что период этнических чисток здесь закончился, и нежелательные меньшинства уже практически полностью вы-

давлены из этих стран. Иными словами, антидемократические порядки и тенденции есть в той или иной мере везде, но в отличие от России, фашистских или хотя бы криптофашистских оттенков они не носят.

* * *

Что же можно сказать в итоге всех этих досужих рассуждений? Итог тривиален: и внутренняя, и внешняя политическая обстановка в трех государствах Южного Кавказа устоялась. Каких-либо кардинальных изменений ожидать не приходится. Мелкие политические сотрясения это не более чем мышьяная возня, отражающая борьбу интересов отдельных клик и мафиозных группировок. Во всех трех государствах такая власть, какая ныне есть, пребудет, по-видимому, надолго. Саакашвили удалось кое-как решить аджарскую проблему, самую маленькую и легкую из проблем трех мятежных автономий. Возможно, каким-то компромиссом обустроится проблема Южной Осетии, хотя путь к этому обещает быть довольно долгим. В Абхазии, скорее всего, будет неопределенно долго сохраняться статус кво. Перспектив решения карабахской проблемы не просматривается. В общем, все прочно уселись на своих стульях, и хотя стулья достаточно жесткие и неудобные, и седоки морщатся и ерзают, но возможности пересесть удобней не предвидится, поскольку данная рассадка определяется не столько расстановкой каких-то политических сил, сколько более долгодействующим фактором — национальными характерами взаимодействующих наций. А он остается более или менее неизменным, даже если меняются президенты и министры.